

— Нет...

По щекам дрожащего Мэн Хао текли слёзы. Весь его мир разваливался на глазах. Уже второй раз в жизни он испытал такую горечь и боль утраты. Первый раз после смерти Кэ Юньхая, второй – гибель настоящего отца Фан Сюфэна. Перед его мысленным взором стояли образы из далекого детства. Как отец одной ночью устроил резню в клане Фан, чтобы защитить его, как ради него согласился стеречь планету Южные Небеса сто тысяч лет. Он вспомнил о воссоединении с родителями, как отец передал ему свою технику владения мечом, при этом запугав всё живое на Южных Небесах. Мэн Хао до сих пор не забыл молчаливую поддержку отца, когда пришлось время покидать родную планету. У него остался нестираемый образ широкой спины, защищавшей его словно гора...

Он вспомнил, как после получения титула кронпринца отправился со всем кланом Фан отдавать дань уважения родителям, помнил о слезах в глазах отца; как после подъема культивации на практически недостижимую высоту и начала войны отец смотрел на него с благоговением и трепетом. Тогда он ничего не понял и от обиды даже замкнулся в себе. Война заставила его похоронить все эти чувства и стать сильнее. Теперь же одного взгляда отца хватило, чтобы Мэн Хао понял, всё это он делал намеренно. Только сейчас он осознал: на опасном перепутье, на котором оказалась война, он не хотел становиться... обузой для сына.

Фан Сюфэн надеялся своей смертью подарить Мэн Хао шанс выжить. Его любовь к сыну была чиста и бесконечно глубока. Всё, что он делал, было ради сына, ради Мэн Хао... Отец зачастую строг и обычно не показывает свою любовь к детям, но в самый ответственный момент... любой пожертвует собой, лишь бы подарить своему чаду еще немного времени для того, чтобы спастись.

Мэн Хао дрожал, костяшки на его пальцах побелели от напряжения. Его сердце разбилось на множество мелких осколков, а катящиеся по щекам слёзы стали алого цвета. Из его горла рвался странный звук, то ли плач, то ли смех, то ли вой отчаяния и ярости.

Вдалеке одному чужаку удалось отрубить голову Фан Вэю... Перед смертью его горящие глаза, казалось, закричали... меня зовут Фан Вэй, и я буду защищать клан Фан. Оставшиеся в живых члены клана Фан со слезами на глазах продолжали безумно сражаться. Один за другим раздавались взрывы самоуничтожения, рвущие чужаков неподалеку на части. Фан Юй свирепо сражалась, Сунь Хай не отходил от неё ни на шаг. Она была истинной любовью всей его жизни, он был готов умереть, защищая её. Пока он прикрывал возлюбленную своим телом, они вместе прорубали себе путь в гуще чужаков.

Мать Мэн Хао стояла как в забытьи, её рука тянулась вперед, словно она пыталась чего-то коснуться... но перед ней была лишь пустота. У неё на глазах муж превратился в бушующее inferно, забравшее с собой на тот свет множество чужаков. На её губах появилась улыбка. Мягкая и в то же время бесконечно печальная. В глазах одновременно разгорелись решимость и понимание.

— Когда мы поженились, ты сказал... что мы будем вместе и в жизни, и в смерти... Во время Семилетнего Треволнения Мэн Хао ты пообещал, что вместе мы одолеем судьбу. Той ночью ты с мечом наголо ушел убивать подлых членов клана, кто взирал на нашего сына с жадностью в глазах. Ты думал, я ничего не видела, но это было не так. Вернувшись, ты, весь в крови, тихо заплакал у его кровати. В Башне Тан ты не позволил мне спасти его, но я знала, в тот момент твоё сердце рвалось на части от боли. Как и я, ты хотел отправиться ему на выручку, помню,

тогда твоя рука дрожала даже сильнее, чем у меня. Когда Хао'эр привел с собой весь клан, чтобы выразить почтение, ты держался непринужденно, но я-то знаю, ты еще никогда не был так рад и горд за сына. А в тот раз, когда Юй'эр привела домой Сунь Хая, ты ведь уже знал всю его подноготную, поэтому-то и одобрил её выбор, потому что знал, он искренне любит Юй'эр. Дабы все чтили и уважали Хао'эра, ты сам притворялся, будто охвачен благоговейным трепетом. Знаю, ты сделал это... ради сына... Ты никогда не умел показывать свои эмоции, но я знаю, ты любил Хао'эра и Юй'эр так же сильно, как и я... Мы поженились на планете Восточный Триумф, а потом отправились стеречь Южные Небеса. После стольких лет... тебя не стало... Я отправлюсь вслед за тобой, я не забыла данную нами клятву на свадьбе. Мы будем жить вместе... и вместе умрем!

Пока над полем боя грохотали взрывы, Мэн Ли повернулась и улыбнулась Мэн Хао и Фан Юй. Она не хотела расставаться с ними, но понимала значение жертвы мужа. Поэтому она тоже зашагала к полю боя.

— Хао'эр, Юй'эр, бегите отсюда. Неважно как или куда... Спасайтесь... выживите.

Глядя, как мать идет навстречу армии чужаков, Мэн Хао задрожал. Когда они набросились на неё, звездное небо прорезал мощнейший взрыв. На лице и шее Мэн Хао взбугрились вены. Глаза покраснели, а его самого начала бить крупная дрожь.

— Пап, мам...

Глаза застилала пелена слёз. Он хотел плакать, хотел смеяться. Хотел выть от боли, в ярости рвать и метать. Но все эти звуки застряли в горле. В этот момент для Мэн Хао, казалось, весь мир остановился. В жилах перестала течь кровь. Всё вокруг застыло.

Мэн Хао не слышал ничего, кроме стука крови в висках. Этот звук заполнил его разум, словно хотел вырваться наружу, окропить слезами звездное небо и положить всему конец!

Внезапно прозвучал холодный голос женщины парагона:

— Эта планета будет уничтожена. Сейчас ведь умер твой отец? А погибшая женщина была твоей матерью? Забавно.

Её издевка оказалась ключом, открывшим клетку, в которой был заключен Мэн Хао. Внезапно он разразился хохотом. Безумным, отчаянным и непокорным!

— Не стало?.. Их и вправду не стало?.. Вы все должны сдохнуть. Должны... сдохнуть. Вы все... должны СДОХНУТЬ!

По щекам хохочущего Мэн Хао бежали алые дорожки. Его сотрясала сильнейшая дрожь, и в то же время от него повеяло жуткой аурой. От этого ненормального смеха женщина парагон невольно поёжилась. Её сердце сжалось. По непонятной причине она почувствовала укол страха. Услышав смех, большеголовый практик прищурился. Мэн Хао медленно поднял голову и печально окинул взглядом поле боя.

— Хочешь осквернить моё Дао? Запятнать кровь? Замарать душу?.. Всё это время я сопротивлялся, не желал быть оскверненным. Но сейчас мне кажется, это было ошибкой... кого волнует какое-то жалкое осквернение?!

С холодным и безумным блеском в глазах он принял свою скорбь. В этот момент его взгляд стал совсем жутким.

— Кому какое дело до осквернения? Мне не нужно моё Дао. Не нужна ни кровь, ни душа. Я хочу лишь одного... чтобы вы все сдохли!

После этих слов он перестал сопротивляться скверне в своих жилах. В следующий миг его затрясло еще сильнее. Проклятая сила изменила кровь, запятнала душу, омыла кости и замарала дао основание. Теперь от него больше не исходила аура царства Бессмертия или Древности. Произошло какое-то неописуемое слияние, породившее нечто совершенно неслыханное. Многогранную ауру. Мгновением ранее она была совершенно обычной, но сейчас в ней появилось что-то дьявольское. Раньше она была чистой и непорочной, а теперь стала оскверненной и порочной.

По всему его лицу и телу расплзлась сеть черных сосудов, волосы достигли небывалой длины. От его пронзительного смеха всё вокруг дрожало. Он разбил дао основание и свои бессмертные меридианы!

Чужаки вокруг застыли как вкопанные. Они кожей чувствовали в Мэн Хао нечто жуткое, нечто, не принадлежащее ни Бессмертному, Богу или Дьяволу. Что-то сродни мутации. Невероятную ауру, мутировавшую из Бессмертного!

— Ты... ты... — хрипло выдавила женщина парагон.

Она не могла поверить своим глазам, прекрасно зная, что оскверняющая магия не должна была повлечь такие последствия. В теории она действовала совершенно по-другому: превращала жертву в лужу оскверненной крови. Сейчас Мэн Хао точно был осквернен, но вместо гибели переживал какую-то очень странную метаморфозу.

"Как такое возможно?" — мелькнула у неё мысль.

У неё закололо кожу от неописуемой ауры, исходящей сейчас от Мэн Хао. Казалось, происходящее повлияло на Небо и Землю, даже затронуло звездное небо. Все бессмертные, боги и практики, всё сущее могло почувствовать невероятное давление, излучаемое Мэн Хао.

— Что... что за чертовщина?!

У большеголового практика округлились глаза, дыхание сбилось. От одного взгляда на Мэн Хао у него начинала кружиться голова. Под звуки рокота Мэн Хао медленно поднял голову. Его глаза приобрели багряный оттенок, но не из-за лопнувших капилляров, а из-за боли и невыносимой агонии. Они напоминали отполированные рубины, но если смотреть в них достаточно долго, то они превращались в два моря крови. Алые глаза, кожа, покрытая сетью черных вен, длинные волосы цвета вороного крыла.

Всё сущее, казалось, задрожало. От Мэн Хао по звездному небу расходилась рябь. В сердцах чужаков начала подниматься волна неописуемого ужаса. Словно от Мэн Хао потянуло таинственным и жутким давлением.

— Единственный, кто знает, какой выбор я тогда сделал. Это я сам, — пробормотал он.

Взмахом руки он призвал лампы души. Они тоже изменились, теперь в них горело загадочное пурпурное пламя с синим отливом! Это призрачное пламя горело совершенно беззвучно, и всё же из-за него содрогнулось всё звездное небо.

На планете Южные Небеса и за её пределами чужаки с практиками, даже парагоны и Шуй Дунлю, почувствовали нечто совершенно ужасающее!

<http://tl.rulate.ru/book/96711/492962>